

3. Сборник распоряжений по министерству народного просвещения / СПб., 1866. – Т. 1. – № 433.

4. Смирнов И. П., Поляков В. А., Ткаченко Е. В. Новые принципы организации начального профессионального образования. – М.: ООО «Аспект», 2004. – 32 с.

5. Смирнов И. П., Ткаченко Е. В. Социальное партнерство: что ждет работодатель? (Итоги пилотного Всероссийского социологического исследования). – М.: ООО «Аспект», 2004. – 32 с.

6. Федеральная программа развития образования // Российская газета. – 2000. – 15, 18 апреля.

7. Терминология качества [Электронный ресурс] / ISO9000. Профессиональный менеджмент качества. – Режим доступа: http://www.iso9000.ru/terms/sum_term.html.

*Статья представлена к публикации
действительным членом РАО
Е. В. Ткаченко*

УДК 370(09)(045)
ББК 433(2) – 8

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В. Н. ТАТИЩЕВА

Т. А. Сутырина

Ключевые слова: апроприация; домовное воспитание; духовно-нравственные ценности; нравственно-педагогические традиции; В. Н. Татищев.

Резюме: Статья посвящена педагогическим идеям одного из крупнейших представителей эпохи Просвещения – видного государственного деятеля, историка, педагога В. Н. Татищева (1686–1750). Педагогические идеи Татищева рассматриваются в аксиологическом контексте как определенная система взглядов, убеждений, установок.

В последнее время исследователями зафиксирована тенденция к апроприации – активному обращению к отечественному и зарубежному научно-педагогическому наследию, осмыслению исторического прошлого, соотнесения его с настоящим и будущим. В этом контексте богатый материал представляет педагогическое наследие Василия Никитича Татищева – основателя Екатеринбургского университета, талантливого историка, философа, географа, экономиста, этнографа, лексикографа, общественного и политического деятеля, педагога, являющемуся, по мнению большинства историков, одним из родоначальников Просвещения в России.

Занимая руководящие позиции в основных сферах общественной и государственной деятельности, Татищев разрабатывал проекты построения системы образования в России, сам непосредственно участвовал в открытии школ.

Основные педагогические идеи, которые были заложены в основу его практической деятельности, нашли отражение в его трудах: «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», «Записка об учащихся и расходах на просвещение», «Духовная», «Инструкция учителям школ при уральских заводах», «Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской», «Рассуждение о буквах кирилловских», «Учреждение коим порядком учителя русских школ имеют поступать».

Педагогические идеи Татищева, касающиеся проблем воспитания, образования и организации школьного дела, представляют систему, в которой можно условно выделить следующие составляющие:

1) идеи, основанные на религиозных и народных нравственно-педагогических традициях;

2) идеи из современного ему общественно-политического процесса, социально-культурного опыта, критически переосмысленные, по-новому интерпретированные;

3) идеи, являющиеся качественно новыми для педагогической мысли и образовательной практики того времени.

К первой группе педагогических идей Татищева можно отнести систему духовно-нравственных ценностей – **«совершенство пребывания»: «любочестие, любоимение, плотнугодие»** – и разработанную на ее основе программу нравственного воспитания. Кредо Татищева: «держаться благоразумной середины», не отрицая накопленного народной педагогикой опыта, опираясь на здравый смысл, не приемля радикальных преобразований – стало принципом его мировоззрения. Мерилом же этого положения, сдерживающим началом является вера. Отсюда следует основной постулат системы воспитания – **укрепление нравственности в вере**. Рассматривая вопросы воспитания будущего гражданина страны, Татищев в первую очередь связывает нравственное воспитание, нормы нравственности и ценности с православной верой. Данные категории рассматриваются в контексте «души» (веры в то, что «дано от Бога») и знания, науки (то, чему следует научить ребенка).

Разделяя законы на божественные, церковные и гражданские, Татищев на первое место ставит закон божественный, так как он «есть сугубый, первый естественный, с сотворением человека ему вложенный». Этот закон для всех, он «есть всем народом общий». Церковные законы – «письменные», но не для всех, «яко евреи верят токмо ветхому, махометане нечто берут из ветхаго и новаго... Закон церковный есть по разности церквей разный». Законы гражданские написаны и должны соблюдаться для людей, принадлежащих определенному обществу. Но гражданские законы не так совершенны, как божественные, так как «часто находится тако, что один за добро, другой злом почитает»,

а происходит это по причине «разности состояния земель, народов и власти» [1, с. 117].

Нравственные ценности Татищев относит к законам божественным, тем самым отдавая им приоритет и подчеркивая значимость основополагающих человеческих ценностей. Все «принадлежащее до благополучия и покоя или междоусобной любви» от закона «естественного» и «божественного» происходит. И в качестве примера он приводит такое, по его мнению, нравственное качество, как «почтение и послушание власти», которое происходит из «должности детей к родителям, прекращение вражды, какая бы ни была, происходит из любви и должности к ближнему и к себе самому». Разница лишь в том, что за нарушения этих законов Бог «невидимое» наказание определяет, а люди от неразумности своей «невидимаго наказания мало бояться стали», поэтому приходится вводить «видимые» наказания, такие как смертная казнь, телесные наказания, заточение в темницы, изгнание от отечества, лишение чести, чина или имени и пр. [1, с. 118].

Органично связывая вопросы веры с проблемой воспитания нравственности, Татищев утверждает, что Бог сотворил человека для счастливой жизни и «...желает человека видеть благополучна, ибо в человеке желание к благополучию беспрекословно от Бога вкороненно есть и невозможно мыслить, чтоб такое милостивое существо человека или какую иную тварь на нещастие сотворил» [1, с. 116]. Главным для Татищева является то, что любочестие, любоимение и плотиугодие дано человеку от Бога («от творца») вместе с душой; а так как Бог есть творец добра, то все, что он сотворил, «добро именовать можем». Если же человек не творит добро, т. е. «надлежащаго не исполняет» или избыточен и чрезмерен в чем-то, то «грех производит». И приводит в пример пьянство: «пьянство в безумие приводит и совершенство ума умаляет, болезни приносит и многое к обиде ближнего причинствует, следственно, есть зло и грех по естеству и закону имянуется» [1, с. 115]. Трактую божественные законы (первые по значимости), Татищев говорит, что они «на любви собственной основаны», т. е. вплотную подходит к одному из принципов гуманизма, и в то же время предостерегает от опасности впасть в грех эгоизма – «самолюбия». Чтобы избежать этого, нужно «любить себя с разумом, то есть прилежать ко снисканию истиннаго, а не притворнаго благополучия, а не давать воли неправильному и непорядочному желанию» [1, с. 116].

В инструкции, данной в 1721 г. учителю Кунгурской арифметической школы Д. Одинцову, и в Наказе заводскому комиссару Ф. Неклюдову (1723) Татищев изложил обязанности учителя по нравственному воспитанию учеников. Татищев оговаривает, какими должны быть отношения детей: в школе смиренны и между собой дружны, друг к другу относиться с любовью, не допускать шалостей, брани, пьянства, блуда и т. д. Учителя должны были учить своих учеников почтительно относиться к старшим как в школе, так и дома, уметь приветствовать входящих в школу вставанием и поклоном, «сквернословие и всякия непристойныя сло-

ва не только в школе, но и вне весьма накрепко запретить». [3, с. 63]. Самыми худшими человеческими пороками Татищев считал ложь и воровство, поэтому учителям необходимо стараться удерживать учеников от этих недостатков, наказывать за их проявление.

Опираясь на богатый опыт государственника, ученого, родителя, радующего за процветание страны, воспитание будущего гражданина, Татищев сформулировал «**Правила мудрости**», сутью которых является система нравственных установок.

1. Правила благоговения. Это правила «внутреннего собственного и высшего благополучия». Они содержат в себе «науку благочестия или благонравия», или учение добродетелей. Главное в этих правилах – сила души, то есть ум, способный над волею царствовать», и главные три склонности: любопытствие, любоимение и плотинугодие.

2. Правила справедливости. Это правила «внешнего, то есть телесного и общественного покоя», они учат человека защищать свое достоинство и имущество, диктуют права и обязанности, которые человек должен хранить и исполнять.

3. Правила любви, учтивости и пристойности, или правила сохранения содружества. Главными здесь являются три принципа: 1) «чего себе не желаешь, того иным не твори»; 2) учтивости; 3) пристойности.

4. Правила благоразумия, или правила предосторожности. Татищев называет их «мудростью благонравия». Это правила, которые предостерегают человека от неразумных проступков.

5. Правила политические. Татищев называет их «мудростью политической» Они дают возможность разбираться во взаимоотношениях с людьми, понимать законы развития общества [1, с. 117].

Ко второй группе педагогических идей в первую очередь можно отнести идеи, связанные с ролью взрослых – наставников, родителей, духовенства, учителей – в воспитании и обучении детей.

Отдавая должное семье, считая ее важнейшим институтом воспитания, Татищев тем не менее утверждает, что приходит время, когда ребенок должен обучаться и воспитываться в школе. Особенно это касается дворянских детей, «шляхетства». Для них он считает «**домовное**» воспитание «неспособным» и даже опасным: «Обхождение детей в доме с бабами, девками и рабскими детьми есть весьма вредное, потому что научится только неге, спеси, лености и свирепству, а учтивости и почтениям к равным и меньшим себе... до возраста и знать не будет». И поэтому вместо благонравного и ласкового «часто развращенное воспитание в детях знатных людей примечено» [1, с. 105]. Татищев видит выход в народных училищах, «в которых мы обучать можем». И хотя не все в них устраивает, тем не менее «немалой похвалы достойны».

Большую роль в деле воспитания играет учитель. Татищев пытается сформулировать **требования к учителю**. Первое, что тому необходимо, – это

быть самому истинным богословом, знать правила благонравия, но («держаться середины» (!) – В. С.) не быть ханжой, лицемером, излишне суеверным. Второе важное качество – способность учить других, «ибо не всякой ученой к научению других есть способен», особенно не способны к научению «люди свирепаго и продерзкаго нрава». Третье требование к учителю – необходимо готовить их из числа русских людей, «чтоб не всегда иностранных с великим убытком выписывать», причем можно брать людей и из простых сословий («подлых»), прикрепляя человека по два в помощь иностранным. И так можно «своих учителей со временем довольно способных получить» [1, с. 118]. В «Инструкции учителям школ при Уральских заводах» (1736) Татищев дает определение учителю, подчеркивая великое значение его в жизни ребенка: «учитель есть человек, которой детей читать и писать или иным каким наукам и познанию полезных правил – жизни человеческой обучает, и для того он, яко един отец им общий вместо многих родителей» [3, с. 235]. Он должен поступать по совести не только в процессе обучения, но и во всех делах, обхождениях и поступках, в то же время проявлять твердость, заботиться, как отец о своих детях. Далее Татищев перечисляет качества, которыми должен обладать учитель: благоразумие, кротость, трезвость, честность, «не блудник», «не крадлив», «чтоб своим добрым и честным житием был им образец, ибо в противном случае как пред Божиим судом ответствен за всякое преступление и соблазн должен» [3, с. 236].

Особое внимание Н. В. Татищев уделяет **наказаниям и поощрениям**. Используя современную терминологию, он предлагает создавать ситуации успеха, в которых дети могут достичь наилучших результатов: «поправлять без всякой злобы и свирепости, но ласкою и с любовью, показывая себя как словами, так и поступками любительно и весело». А кто быстрее овладевает знаниями, «его похвалить, скорым науки окончанием обнадеживать». Того, кто успевает лучше, можно поощрять «тем, что он будет другим показывать, как нужно делать и за другими «надзирать», чтобы стремление к учебе «не оскудело». Татищев предлагает дифференцированно давать задания: «кто успешнее в обучении, тому меньше задавать, а ленивых наказывать», однако «не столько битьем, сколько стыдом», т. е. «стоянием у дверей», «привязыванием к скамье», «сиденьем на земле» [3, с. 238].

Третья группа – идеи, являющиеся качественно новыми, гуманными, прогрессивными для педагогической мысли и образовательной практики того времени. В. Н. Татищев в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» выделяет возрастные периоды человеческой жизни, характеризует их с точки зрения антропологии, тем самым предвосхищая появление возрастной педагогики.

Описывая физическое и психическое развитие ребенка первой возрастной группы («стан младенчества» – от рождения до 12 лет), он отмечает главное – чувствительность данного этапа для обучения и воспитания – «ум как мяг-

кой воск, к которому все легче прилепится, но когда застарееет, не скоро изкорениться уже может» [1, с. 66].

В «стане юношества» (от 12 до 25 лет) молодой человек уже начинает «познавать, что оные младенческие поступки есть самая глупость», т. е. возрастает способность к анализу поведения, деятельности. Татищев подчеркивает свойственные этому возрасту противоречия: с одной стороны, молодой человек «о лучшем и полезнейшем прилежать» желает, с другой – делает совершенно обратное, так как его подстерегают «немалые опасности и беды»: «страсть роскошности или плотиугодия властвует... музыку, танпование, гулянье, беседы, любовь женскую, любодействие за наивысшее благополучие почитает, а покой, славу и богатство презирает. Он хотя учтив, но и презирателен, хотя ласков, да скоро и досадителен, небережный, самохвальный, скорый на гнев... в дружбе ненадежный...» [1, с. 67].

В возрасте зрелости – («стане мужеском» – от 25 до 50) – к человеку приходит «страсть любочестия»: он способен «ощутить все силы и возможности», «отринет и презрит прежнее юношеское благополучие, а будет прилежать о приобретении чести». Ведущими качествами «явятся в нем славолубие, храбрость и мужество». Он надеется только на свои силы, «возжелает от всех почтения, а потом ищет и власти». Этот «возраст, хотя в наивысшей степени человеческого совершенства почитается, однако ж помощи, советов людских и собственного искусства, которое учением имянуем, лишиться без страха, вреда и беды не может» [1, с. 67].

Последняя «жизни человеческой степень» (от 50 лет и далее) утолит «быстролетучие мнения, удовлетворит высокопарные намерения, презрит все бывшие поступки, как вредные, уничтожит прельщаемую славу мира сего, так как познает несовершенство человека и буйство воли его уразумеет, что все прежнее, за благополучие почитаемое, есть глубочайшая глупость». Тогда человек будет думать прежде всего «о приобретении знания истинного добра, то есть спокойности души», а этому более всего закон божий научить может. В старости человек приходит к главному – «любоимению», которое «над роскошью и любочестием властвовать будет». Но здесь человека также подстерегают опасности: «ослабевающая к приобретению имени надежда и страх скудости» могут привести к скупости или «сребролюбью», которые, по мнению Татищева, приносят несчастья и считаются грехом. Также старят человека печали: «старость печали рождает и прежде лет». А выход из этого положения Татищев видит в чтении «законных и исторических книг, где разные наставления и примеры в научение себе находим», а также советы и помощь благочестивых людей. Таким образом, Татищев делает вывод о том, «что человеку нужно **век жить, век и учиться** и от вреда храниться», так как «истинного добра до старости не познать» [1, с. 68].

Плодотворной идеей, к которой пришел Татищев и которую разделяли последующие мыслители, была **идея о приоритете знания и просвещения** в об-

разовании. Татищев не ставит знака равенства между верой и знанием. Как представитель и поборник просвещенного абсолютизма он признает важность знания и просвещения не только для конкретного человека, но и для государства в целом, поэтому **связь необходимости учения с процветанием государства** является основополагающей, стержневой идеей его концепции. Он дает удивительно современное определение науки в свете гуманистической теории: «наука главная есть, чтоб человек мог себя познать» [1, с. 51]. Рассуждая о вере, он связывает ее в первую очередь с наукой. Требуя изучения Библии, он настоятельно рекомендует чтение таких известных своими назиданиями и нравованиями книг, как «Юности честное зерцало» и «Малый букварь», труды писателя-гуманиста эпохи Возрождения Эразма Роттердамского «Семейные разговоры», «Пословицы», расширяя тем самым и содержание образования, и спектр методов воспитания нравственности.

Татищев, сам являющийся человеком глубоко и разносторонне образованным, предписывает и другим уважительно относиться не только к ученым и образованным людям, но и к ученикам, как к людям, владеющим знанием: «ученикам пред прочими детьми, которые не учатся, почтение должно отдано быть невзирая на чин отца его и лета» [3, с. 242]. Учителям предписывалось насаждать **почитание знания, учения** и среди учащихся: хорошо успевающие ученики должны были сидеть за столами впереди других.

В «Рассуждении о ревизии поголовной и касающемся до оной» Татищев пишет, что «без учения человек не знает, что пристойность, благонравие, благочестие, должность и преимущество, не достает ему смысла рассуждать, в чем его собственная и отечества польза или вред» [1, с. 386], т. е. и здесь мы видим взаимосвязь рассматриваемых нами категорий – **необходимость учения он связывает и с необходимостью воспитания нравственных качеств личности**.

Он отвергает ошибочное, на его взгляд, мнение, «что неученые в великом благополучии, богатстве и славе, а ученые в несчастии, убожестве и презрении находятся» и что чем народ проще, тем покорнее и к правлению безопаснее. Считая себя «благоразумным политиком и верным сыном отечества», он утверждает, что «**науки государству более пользы, нежели буйство и невежество, принести могут**». Разумный человек чрез науки и искусство ... удобнейшую понятность, твердейшую память, острейший смысл и беспогрешное суждение приобретает». Татищев соотносит эти положения с древнейшей историей и опытом «многих народов и государств, что от недостатка благоразумного рассуждения разорялись и погибали, и которых память токмо на бумаге осталась». Конечно, здесь в Татищеве в первую очередь говорит государственный деятель, который убеждает государя в благонадежности ученых людей, в пользе знаний, которые делают человека толерантным к любым проблемам общества.

Татищев рассматривает «пользу учения» в четырех аспектах, для каждого конкретного ребенка: чтобы «разумен был надобно ему прежде учиться; есть ли

же того со младенчества не приобретет, то он в природной злости и невежестве останется». Татищев связывает неучение с приобретением последующих отрицательных нравственных и моральных качеств: злобы, буйства, печали и страха смерти.

Татищев предлагает даже науки классифицировать, положив в основу пользу их для нравственного воспитания. Он делит науки на **нужные** – к ним относятся речь, и те науки, которые помогают «плоть свою и свой род содержать и сохранить»; **полезные** («которые до способности к общей и собственной пользе принадлежат»), например, письмо («первое, и самое важное умение человека»), грамматика и красноречие («витийство»); **щегольские или увеселяющие**, к которым он относит поэзию, музыку, русское скоморошество, танцы, или «плясание»; вольтежирование, или «на лошадь садиться», «живопись, науки, которые «по случаю могут полезны и нужны быть: как стоять, итти, поклониться, поворотиться»; **любопытные или тщетные** – науки, которые «ни настоящей, ни будущей пользы в себе не имеют» – астрология, из которой хотят будущее «от стояния планет и звезд познавать», «физиогномия, или лицезнание», что по сочинению лица и морщинам предсказывают судьбу, «хиромантия, что по чертам или морщинам рук жизнь и случаи человека разуметь тщатся», наука алхимия, или делание золота; **вредные** – это науки, которые проповедают разного рода колдуны, оракулы, кликуши, занимающиеся «волхвованием», «ворожбой», «колдунством»: некромантия, аэромантия, пиромантия, гидромантия; геомантия, провещание, что «из сновидений, встречи, полета и крик птиц, бегания зверей щастие и нещастие хотят разуметь», «ворожба»; заговоры и привороты, чернокнижество. Последние он определяет как «обман и суеверие», «эти науки ничего совершенного и полезного в себе не имеют и других обманывают», поэтому носители этих знаний «неизбежно заслуживают телесного наказания» [1, с. 89–93].

Особое внимание уделено в «Размышлении...» **изучению родного языка**. Его волнует прежде всего проблемы его чистоты и сохранения. Многие народы, говорит Татищев, погубили свой язык, говорят на чужом, «отродием славенским имянуются» [1, с. 96]. Татищев приводит примеры необходимых, на его взгляд, не совсем нужных слов, которые заимствованы из других языков. Основной критерий включения новых слов в язык вполне разумен – есть или нет в нем аналоги – «на что б нужно нам чужие слова употреблять, когда своего языка разуметь можем» [1, с. 91].

Однако здесь же он предупреждает, что «нелишне знать **иностранные языки**» и подробно расписывает кому, в зависимости от профессии, сословия и места жительства, нужно те или иные языки изучать (еврейский, латынь, греческий, немецкий, французский, персидский, китайский, монгольский, татарский, турецкий и т. д.).

Имея немалые полномочия как государственный деятель, начальник горных заводов на Урале, губернатор Астраханского края, Татищев не мог не

столкнуться с национальным вопросом, болезненным и для России XVIII века. Имея целью освоение земель за Уралом, укрепление границ, привлечение других народов и народностей в экономику России, Татищев проводил политику веротерпимости, ненасилия по отношению к башкирам, татарам, калмыкам, выступал в поддержку армян. Он не только пытался снять социальное напряжение, возникающие из-за незнания особенностей культуры других народов, их традиций, быта, языка, веры, но и старался приобщить эти народы к русской культуре. Понимая, что приобщение к чужой культуре лучше начинать с детства, он открывает в Самаре первую в России татаро-калмыцкую школу. Во время волнений башкир на Южном Урале в 1724 г. предлагает взять на обучение лучших детей мурз, обучать их русскому языку, приобщать к русской культуре. Пишет о том, что всем, кто живет рядом или в пограничных зонах с другими народами, необходимо изучать язык соседей, особенности их жизни, их историю. Татищев впервые провел классификацию народностей и племен России, наметил планы издания словарей, сам изучал угро-финские и тюркские языки. Он понимал, что в интересах единого государства необходимо проводить политику, направленную на долговременные отношения народов, проживающих рядом. В основе этой деятельности и этой политики лежат идеи, которые сегодня могут быть названы идеями **национальной толерантности**.

Настаивая на укреплении вековых духовных традиций русской культуры, просвещения и веры, Татищев утверждал основы государственности. Проект построения широкой системы образования разрабатывался им в русле политики просвещенного абсолютизма. А без приоритета знаний и науки, фундамент которых составляли вера и нравственность, Россия не могла выходить на передовые рубежи и соперничать с западными странами. Это актуально и для сегодняшней России – в ситуации отсутствия государственной идеологии, размытых нравственных норм и ценностей и искаженно понимаемых свобод.

Литература

1. Татищев В. Н. Избранные произведения. – Л., 1979.
3. Татищев. В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. – М., 1990.